

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Александр Сыч

Черновицкий национальный университет
имени Юрия Федьковича (Украина)
asych_chnu@yahoo.com

Rezumat: Chestiunea privind opțiunea asupra unei civilizații a țărilor din Europa Centrală și de Est după Primul Război Mondial. Autorul analizează prima încercare a popoarelor din Europa Centrală și de Est de a face o alegere între civilizații, precum și motivele pentru care aceasta nu a avut succes.

Abstract: The problem of civilizational choice in the countries of Central and Eastern Europe after the WWI. The author analyzes the first attempt of civilizational choice made by the peoples of Central and Eastern Europe after WWI as well as the reasons that explain why it turned out an unsuccessful one.

Résumé: La question concernant l'option sur une civilisation des pays de l'Europe Centrale et d'Est après la Première Guerre Mondiale. L'auteur y analyse le premier essai des peuples de l'Europe Centrale et d'Est de choisir entre les civilisations, ainsi que les raisons pour lesquelles celui-ci n'a pas eu du succès.

Keywords: civilizational choice, traditional society, modernization, democracy, nationalism, authoritarian dictatorships.

Как известно, одним из наиболее важных итогов Первой мировой войны стало образование новых государств в Центральной и Восточной Европе, главным образом на территории бывшей Габсбургской монархии. Некоторые из народов, входившие в состав Австро-Венгрии, получили долгожданный исторический шанс обрести собственную государственность (или – в случае поляков – восстановить когда-то утраченную), что фактически и было целью их национальных движений в течение длительного времени. Это во многом объясняет ту поистине всенародную эйфорию, в атмосфере которой происходило формирование независимых государств, эйфорию, которая, увы, вскоре приобрела явно националистическую окраску.

Понятно, что создание национальных государств имело, несомненно, важнейшее значение для народов распавшейся империи Габсбургов. Однако, на наш взгляд, этим, то есть собственно обретением независимости и государственного суверенитета, значение данного явления не исчерпывалось. Народы, получившие возможность создать национальную государственность в резуль-

тате Первой мировой войны, одновременно должны были решать ещё одну, не менее важную задачу, а именно: выбрать форму этой государственности, то есть её общественно-политическое устройство, экономическую модель, идеологию. От решения этой задачи в значительной степени зависело направление их последующего исторического развития.

В связи с этим стоит напомнить, что в XX век большинство народов Австро-Венгерской империи вступили, фактически оказавшись на периферии европейской (западной) цивилизации, существенно уступая по многим показателям общественного прогресса индустриальным государствам Западной Европы и Северной Америки. Объясняется это общественно-политическими и социально-экономическими условиями их предыдущего, несамостоятельного во всех аспектах исторического развития. Примерно с середины XVII в. население обширного региона к востоку от Одера обречено было пройти, как заметил современный исследователь западной цивилизации Роджер Осборн, «период экономического и общественного застоя, который развел восточную и западную части Европы в разные стороны»¹. Поэтому в повестке дня их общественного бытия в конце XIX – начале XX вв. особое место занял действительно судьбоносный вопрос, который можно было бы сформулировать следующим образом: как наверстать потерянное время и выбрать наиболее оптимальный путь развития, чтобы преодолеть своё, по сути, *цивилизационное* – сравнительно с передовыми странами западного мира – отставание.

Ответ представлялся очевидным – выбор нужно было сделать в пользу либерально-демократической, индустриально-рыночной, то есть западной, модели общественного устройства, которая в тот исторический период убедительно демонстрировала свои преимущества. Для этого необходимо было осуществить модернизацию всего комплекса общественных отношений, что предусматривало внедрение соответствующих либерально-демократических институтов, проведение индустриализации, формирование развитого рыночного хозяйства и т. д., что и определило бы переход от традиционного общества к индустриальному. Кстати, заметим, что исторический контекст проблемы модернизации центрально-восточноевропейского региона привлекает внимание всё большего числа исследователей. Так, недавно появилась интересная работа польского историка Яцека Кохановича «Отсталость и модернизация: Польша и Восточная Европа в XVI – XX вв.»².

Таким образом, объективно, самой логикой исторического процесса создание национальной государственности в рассматриваемом регионе означало вместе с тем и выбор *цивилизационного пути развития*.

¹ Р. Осборн, *Цивилизация. Новая история Западного мира* [Civilization: A New History of the Western World], Москва, 2008, с. 382 – 383.

² J. Kochanowicz, *Backwardness and Modernization: Poland and Eastern Europe in the 16th – 20th Centuries*. (Variorum collected studies series), Aldershot (GB) – Burlington (USA), 2006, 336 p.

Следует заметить, что и победители в Первой мировой войне в лице правящих кругов стран Антанты и США были заинтересованы именно в таком выборе. Кроме укрепления собственного политического влияния в данном регионе, они преследовали здесь ещё одну, важную для себя цель: ликвидацию авторитарного наследия распавшихся империй и форсирование процессов демократизации – разумеется, в соответствии с западными стандартами – в образовавшихся государствах-преемниках Австро-Венгрии. Действительно, условия мирного послевоенного устройства, разработанные на Парижской мирной конференции, недвусмысленно предусматривали продвижение демократии и ускоренное становление конституционно-представительских режимов в Центральной и Восточной Европе. Другими словами, вместе с предоставлением возможности создания национальной государственности и её признанием со стороны великих держав народам данного региона была предложена – фактически в качестве обязательного условия – и модель этой государственности, опять же в соответствии с западными критериями. Её принятие и внедрение должно было содействовать началу или ускорению (в зависимости от уровня развития страны) процесса модернизации социально-экономических отношений, политической культуры, духовной жизни и т. д., что привело бы к трансформации традиционного общества в индустриальное и означало бы изменение цивилизационной парадигмы.

И, наконец, отмеченная заинтересованность руководства ведущих западных стран объясняется также и тем обстоятельством, что к концу Первой мировой войны перед народами распадавшейся империи Габсбургов стала вырисовываться ещё одна, совершенно новая цивилизационная перспектива, предложенная Советской Россией. Это вызвало на Западе большую тревогу, тем более, что в образованных на обломках Австро-Венгрии государствах появились силы, выступавшие в поддержку этой перспективы, которая представляла явную альтернативу западной модели развития. Именно в этом контексте следует рассматривать создание Венгерской Советской Республики, провозглашение Словацкой советской республики в Прешове в 1919 г., советское движение рабочих в Данциге и т.д. Планы правительства Советской России предоставить военную помощь Советской Венгрии и Словакии, раздуть «пламя революционной борьбы» в Польше, казалось бы, подтверждали серьёзность «советского вызова».

Как известно, новообразованные государства-преемники Австро-Венгрии сделали выбор в пользу западной модели государственно-политического и экономического развития.

И тут возникает целый ряд вопросов, которые могут стать предметом дискуссии и дальнейших научных изысканий.

Во-первых, был ли этот выбор добровольным со стороны народов государств-преемников, которым пришлось перейти к новой, по сути, для них общественной системе, или предопределённым волей «архитекторов» послевоенного устройства мира, то есть фактически навязанным?

Во-вторых, был ли этот выбор сделан обществом в целом или прежде

всего лидерами национально-освободительных движений, являвшимися представителями местной, в первую очередь, интеллектуальной элиты, придерживавшейся прозападной, либерально-демократической ориентации? вспомнить в этой связи хотя бы первого президента Чехословацкой республики Томаша Масарика, который в своё время воспринял доминировавшие в Америке ценности либерализма, неприемлемые в Австро-Венгрии. Как известно, в его жизни и деятельности ориентация на Запад, приверженность западной культуре в её англо-американском варианте играли первостепенную роль, и, можно сказать, стали существенным фактором, определившим межвоенную историю Чехословакии, общественно-политическое развитие которой происходило на основах демократии, с признанием приоритетности западных влияний³.

В-третьих, насколько массовой, сознательной и единодушной была общественная поддержка этого выбора или, пользуясь терминологией политологов, она имела сугубо ситуативный характер?

В-четвёртых, сложились ли объективные и субъективные предпосылки именно для *такого* выбора или произошло, так сказать, «равнение на победителей», то есть, что данный выбор в значительной, а возможно, и в решающей степени определялся результатами Первой мировой войны, а именно победой государств Антанты и США, которые воплощали модель индустриального общества?

И, наконец, в-пятых, почему этот цивилизационный выбор – прежде всего в плане осуществления общественно-политической и экономической модернизации – оказался в целом неудачным и кратковременным, уступив место в межвоенный период более привычным для народов бывшей монархии Габсбургов авторитарным формам правления (исключение составила лишь Чехословакия).

Не имея здесь возможности предложить – даже в краткой форме – возможные ответы на поставленные вопросы (именно возможные, потому что некоторые из них нуждаются в новых, углублённых исследованиях). Остановимся вкратце лишь на последнем вопросе.

Если рассматривать ситуацию в странах-преемниках Австро-Венгрии в первые послевоенные годы в контексте поставленной проблемы цивилизационного выбора, то она действительно заметно изменилась: к власти пришли силы, которые ориентировались на проведение реформ, направленных на обустройство либерально-демократического государства и переход к индустриальному обществу. Это, например, национал-либералы в Румынии, Демократическая партия в Сербии, Партия «Народовой демократии» в Польше, группа «Град» в Чехословакии. Инициатива во внутривнутриполитической жизни перешла к буржуазно-демократическим партиям, которые раньше не имели широкой социальной базы в обществе. Причиной их, на первый взгляд,

³ George J. Kovtun (ed.), *The spirit of Thomas G. Masaryk (1850- 1937): An anthology*, London, Macmillan Press, 1990, p. 13.

неожиданного лидерства была не только поддержка со стороны влиятельных политических кругов Запада, но и психологическая готовность этих сил и партий к слому старых государственных структур, дискредитированных в годы войны. Немаловажное значение также имело успешное сочетание в их деятельности либерально-демократических программных установок с идеями национального возрождения.

Демократизация общественно-политической жизни имела место – хотя и в разной степени – во всех странах-преемниках, которые переживали период национально-государственной консолидации.

Наиболее последовательно демократические преобразования были проведены в Польше и Чехословакии. Принятые здесь конституции юридически закрепляли республиканский строй и демократическую политическую систему, провозглашали основные демократические принципы и свободы, в том числе равенство всех граждан, независимо от происхождения, национальности, религиозной принадлежности. Выборы в парламент были общими, равными, прямыми, при тайном голосовании. Правительства были подотчётными парламенту. Характерно, что даже преамбула чехословацкой конституции 1920 г. буквально копировала начало Конституции США 1787 г., начинаясь словами: «Мы, Чехословацкий народ...».

В других странах-преемниках демократические преобразования имели не такой радикальный характер. В них демократические преобразования коснулись преимущественно сферы избирательного права, а также привели к формальному закреплению гражданских прав и свобод, ликвидации архаичных форм судопроизводства. Однако в этих странах сохранилась монархическая форма правления, а партии и движения либеральной ориентации стояли на довольно умеренных позициях.

Впрочем, оценивая ситуацию в целом, отметим, что, хотя процесс демократизации привёл к существенным изменениям в общественно-политической жизни этих стран, однако кардинально не изменил свойственные их населению политическую культуру, нормы социального поведения и традиции (исключение составляла Чехословакия, да и то с оговорками). При всей важности конституционного закрепления гражданских прав и свобод, многопартийности и парламентаризма, следует признать, что само по себе это не могло ликвидировать авторитарную политическую культуру традиционного общества, которая складывалась в данном регионе веками. Отсутствие же глубоких предпосылок для возникновения либерально-демократической идеологии делало процесс демократизации поверхностным и неустойчивым. К тому же буржуазно-демократические партии не смогли обеспечить себе реальную и широкую поддержку народа. Как оказалось, послевоенная политизация народных масс имела преимущественно импульсивно-эмоциональный характер, будучи обусловленной скорее общей эйфорией, которая сопровождала слом прежней государственности и получения независимости, чем осознанной готовностью к кропотливой, ежедневной работе по созданию новой общественной системы, что требовало совсем другого

уровня гражданской ответственности.

Уже первое послевоенное десятилетие показало, что широкие слои населения оказались психологически не готовыми к восприятию демократических порядков, а тем более – к активному участию в общественно-политической жизни в рамках стабильной конституционно-правовой системы. Как ни парадоксально, но сама возможность выбора, предполагавшая самостоятельность принимаемого решения и соответственно проявление личной ответственности, право свободного волеизъявления, как одно из важнейших преимуществ демократического строя, отпугивали и даже раздражали многих людей в странах-преемниках, привыкших к чётко организованной в социально-политическом отношении жизни, с устоявшимися традициями, с общепринятой иерархией ценностей и норм поведения (преданность монархии, вера в бога и т. д.).

Демократизация общественно-политической жизни могла бы быть более успешной, а следовательно, получить более ощутимую поддержку населения, если бы она подкреплялась весомыми достижениями в социально-экономической области. Сначала казалось, что это вполне реальная перспектива, ведь приход к власти буржуазно-демократических сил привёл к началу широкомасштабных внутренних реформ, которые были направлены на проведение аграрных преобразований, строительство или техническое переоборудование ряда отраслей отечественной промышленности, развитие банковско-финансовой сферы, усиление государственного регулирования трудовых отношений и т. д.

Однако, несмотря на определённые успехи первой волны реформ, в целом планы ускоренной модернизации по западным образцам не были выполнены. Это объяснялось рядом как внешних, так и внутренних причин.

Важным фактором, который негативно отразился на экономическом развитии стран-преемников, стала дезинтеграция экономического пространства бывшей Австро-Венгерской империи, что означало для них утрату постоянных рынков, разрыв устоявшихся связей, исчезновение единой финансовой системы и т. д. После войны в Европе появилось 27 новых валют вместо 14-ти довоенных и дополнительные 13 тыс. км новых границ (и соответственно множество дополнительных таможенных барьеров), которые отделили многие предприятия от традиционных источников сырья, металлургические заводы от каменноугольных бассейнов, районы сельскохозяйственного производства от рынков сбыта их продукции⁴. Экономические отношения между странами-преемниками оказались далеко не такими, как они виделись устроителям Парижской конференции. Возникали нелепые с экономической точки зрения ситуации. Проиллюстрируем это хотя бы на одном примере.

⁴ См., напр.: Stefan Karner, *From Empire to Republic: Economic Problems in a Period of Collapse, Reorientation, and Reconstruction*, in John Komlos (ed.), *Economic development in the Habsburg monarchy and in the Successor States: Essays*, New York, Columbia University Press, 1990.

Между государствами-преемниками возникали часто напряжённые, временами враждебные отношения, напрямую отражавшие на экономических связях. Так, между новообразованными Чехословакией и Австрийской республикой одно время были закрыты границы, из-за чего поставки сахара из Чехии и Моравии в Австрию прекратились; в результате последняя должна была импортировать его с Явы и Кубы (!), тогда как Чехословакия вынуждена была экспортировать излишки своего сахара в США⁵.

Осуществление экономической и социальной модернизации тормозилось и такими факторами, как недостаточная ёмкость внутреннего рынка, нехватка инвестиционных капиталов, неразвитость транспортной инфраструктуры, ограниченность сырьевой базы, патриархальность структуры самодеятельного населения и т. д. Последовательному и эффективному проведению аграрной реформы, которая, бесспорно, была ключевой проблемой для большинства стран восточноевропейского региона, оказывали сильное сопротивление крупные землевладельцы, традиционно имевшие значительное влияние на формирование внутривосточного курса. К тому же бремя осуществления программ индустриализации было возложено преимущественно на крестьянство, что весьма ухудшало его и без того нелёгкое положение. Подавляющая часть населения не могла быстро приспособиться к динамичным изменениям и противоречивым проявлениям процесса модернизации, что, в свою очередь, не только замедляло темпы реформ, но и существенно снижало их реальный экономический эффект, увеличивало государственные расходы на их проведение, усиливало социальное напряжение в обществе. Поэтому неудивительно, что спустя некоторое время такая ускоренная, направленная на слом вековых устоев общества модернизация, которая проводилась «сверху» достаточно узким кругом представителей буржуазно-демократической элиты, начала сталкиваться с постоянно растущим сопротивлением основных групп населения.

Ещё одним фактором, который, на наш взгляд, фатально отразился на судьбе того цивилизационного выбора, который был сделан странами-преемниками после Первой мировой, стал национализм.

Руководители великих государств надеялись, что национально-государственное размежевание в Центральной и Восточной Европе на основе принципа национального самоопределения гарантирует не только мир и добрососедские отношения между народами этого региона, но и поспособствует утверждению здесь демократических политических институтов вместо авторитарных, которые существовали ранее. «Но, – как писал Черчилль, – если сам по себе этот принцип был весьма прост и приемлем, то применить его на практике оказалось весьма трудным и спорным делом»⁶. Следует заметить, что большинство политиков и дипломатов Запада имели очень туманные

⁵ Stefan Karner, *op. cit.*, p. 256.

⁶ У. Черчилль, *Мировой кризис. Автобиография. Речи* [The World Crisis. The biography. The speeches], Москва, 2004, с. 260.

представления о народах бывшей монархии Габсбургов⁷, в результате чего творцы Версальской системы применяли этот принцип, исходя прежде всего из своих собственных геополитических интересов, и, как правило, не учитывая всего комплекса социально-политических, экономических, демографических, культурных факторов, определявших специфику образование независимых государств в центрально-восточноевропейском регионе, впрочем, как и полиэтничного состава его населения⁸. Явно недооценивались и напряжённые взаимоотношения между отдельными народами бывшей Австро-Венгрии, чреватые острыми межнациональными конфликтами. Так, в 1917 – 1918 гг., когда появилась перспектива образования Чехословацкого государства, венгерская пресса всячески запугивала словаков «аннексионистской политикой» чешских политиков, «чешским империализмом», стремящимся к их поглощению, полной ассимиляции и даже угрожающим самому существованию их как народа (хотя ещё недавно в той же прессе словаки рассматривались как часть венгерской нации)⁹. Более того, противопоставляя друг другу чехов и словаков и стремясь предотвратить объединение их в одном государстве, одна из венгерских газет 27 октября 1918 г. даже задавалась вопросом, почему бы словакам не провозгласить «свою полную независимость на основе вильсоновского права на самоопределение»¹⁰.

Взявшись определять на конференции судьбу народов распавшейся империи Габсбургов, руководители великих держав неоднократно демонстрировали отсутствие элементарных знаний их истории, географии, культуры. Например, Вильсон (который, кстати, до своего президентства был университетским профессором) и британский премьер-министр Ллойд-Джордж посылали своим экспертам записки, например, такого содержания: „Чехословаки – что это такое? Где находятся? И сколько их?“¹¹. Увы, и за 20 межвоенных лет эта высокомерная неосведомлённость западных политиков не была преодолена, что признал в канун подписания печально известного Мюнхенского соглашения в 1938 г. британский премьер-министр Невил Чемберлен: «Государства, о которых мы ничего не знаем»¹².

Таким образом непродуманное, часто механическое применение принципа самоопределения превратило его, как не без оснований отмечали некоторые интеллектуалы (например, Карл Поппер), в принцип саморазрушения, когда «освобождение» народов и этнических меньшинств из-

⁷ *Stredná Európa očami veľmoci, História*, „Revue o dejinách spoločnosti“, júl -august 2008, číslo 4, s. 54.

⁸ См. подробнее: А. И. Сыч, *Национальный аспект Версальской системы* [The national aspect of the Versailles system], in „Вопросы истории“, 2004, № 1, с. 126 – 133.

⁹ L. Vörös, *The social representation of the Slovaks in the north Hungarian Magyar Regional Press in the Years 1914 – 1918*, “Historický časopis, Historical Journal of the Institute of History of the Slovak Academy of Sciences“, Volume 56, 2008, Supplement, s. 66 – 69.

¹⁰ L. Vörös, *op. cit.*, s. 69.

¹¹ Цит. по: К. Ф. Новак, *Версаль* [Versailles], Москва – Ленинград, 1930, с. 87.

¹² Цит. по: *Stredná Európa očami veľmoci...*, s. 54.

под гнёта империй, которые распались, в действительности создавало ещё больше меньшинств, которые нередко имели более весомые причины для недовольства, чем раньше. Например, Королевство сербов, хорватов и словенцев, созданное из обломков Австро-Венгерской империи, являлось, по сути, искусственным государственным образованием, которое в силу этнической и религиозной розни, существовавшей между населявшими его народами, уже тогда казалось многим изначально нежизнеспособным¹³. По мнению известного британского историка Эрика Хобсбаума, «не имелось никаких исторических прецедентов или логики в комбинациях с Чехословакией и Югославией, создание которых явилось результатом националистической идеологии», а потому «все эти политические браки поневоле оказались не слишком прочными»¹⁴.

В результате такого, часто произвольного, национально-государственного размежевания возникли районы с компактным проживанием этнических меньшинств – немцев в Польше и Чехословакии, венгров – в Чехословакии, Румынии и будущей Югославии, украинцев и белорусов в Польше. Так, по Трианонскому мирному договору 1920 г. Венгрия потеряла не только почти 3/4 своей довоенной территории, но и около 2/3 довоенного населения¹⁵, вследствие чего свыше 2,5 млн. этнических венгров (составлявших четвертую часть всего венгерского населения), оказались в составе соседних государств. Хортистский режим признал Трианонский мирный договор 1920 г., установивший послевоенные границы Венгрии, но сразу же после этого начал призывать к его пересмотру, разжигая шовинизм внутри страны. Поэтому идея «ревизионизма», положенная в основу внешней политики Венгрии в межвоенный период, была, фигурально выражаясь, «запрограммирована» решениями Парижской конференции.

По-видимому чувствуя, что заключенные на конференции договоры вскоре могут стать источником острых межнациональных и межгосударственных конфликтов, «архитекторы новой Европы» пытались предотвратить их возникновение, включив в текст мирных договоров специальные статьи относительно положения и прав этнических меньшинств. Черчилль свидетельствовал: «Необходимо прибавить, что во все договоры, касающиеся границ новых государств, были внесены точные и подробные установления, имевшие целью защитить национальные меньшинства, обеспечить им справедливое отношение и предоставить им полное равноправие»¹⁶.

Но, как показало уже ближайшее время, этого оказалось недостаточно, потому что националистические правительства новообразованных государств а

¹³ Оскар Ференбах, *Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века* [The collapse and revival of Germany. A look at European history of the twentieth century], Москва, 2001, с. 285.

¹⁴ Э. Хобсбаум, *Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914 – 1991)* [The Age of Extremes: A History of the World, 1914-1991], Москва, 2004, с. 43 – 44.

¹⁵ M. W. Shoemaker, *The Soviet Union and Eastern Europe 1990*, Washington, 1990, p. 260.

¹⁶ У. Черчилль, *указ соч.*, с. 284.

ргіогі не могли придерживаться демократической политики в отношении меньшинств. Действительно, лидеры национальных движений, придя к власти, стали всячески подчёркивать языковые и культурные различия между народами, раздувать и муссировать «исторические обиды», нанесённые их нации другими народами, пренебрегать традиционными связями и экономическими интересами, выдвигать претензии к соседям. Весьма показательным в этом отношении было высказывание отражавшего взгляды национал-демократов Станислава Грабского (в 1919 г. глава комиссии по иностранным делам Сейма, позже - министр культуры): «Мы хотим учредить наши отношения на любви, но существует один тип любви для соотечественников, а другой – для чужестранцев. Процент последних в нашем населении явно очень высокий. Иностранные элементы должны будут подумать, не будет ли им лучше убраться вон! Польская земля для поляков!»¹⁷.

Установленные ими режимы во вновь созданных или реорганизованных государствах, писал Хобсбаум, «тяготели к национализму, отчасти из-за недовольства политикой иностранных государств, проигранными войнами или прогнившими империями, отчасти оттого, что размахивание национальным флагом обещало власти легитимность и популярность»¹⁸.

Идеология национализма, взятая на вооружение правящими кругами государств-преемников, сыграла пагубную роль в судьбе сделанного цивилизационного выбора, по крайней мере в силу двух причин.

Во-первых, что между молодыми государствами, возглавляемыми националистически мыслящими политиками, как уже отмечалось выше, сразу же начались ссоры, возникли территориальные претензии и даже вооружённые конфликты (спор между Югославией и Румынией из-за Баната с городом Темешвар, конфликт между поляками и чехами из-за герцогства Тешен в бывшей австрийской Силезии, польско-украинская война за Восточную Галицию, оккупация Польшей Вильно и Виленского края). В течение 1919 - 1922 гг. в этом регионе вспыхнуло не менее 20 малых войн и конфликтов¹⁹. Как писал Ллойд-Джордж «Только что освобождённые народы Южной Европы готовы были перегрызть друг другу глотку в погоне за лучшими кусками наследства умерших империй»²⁰. Особенно воинственно вела себя Польша, которая умело играя на стремлении Франции опять иметь на Востоке союзника как противовес Германии (вместо царской России) и используя страх правящих кругов Великобритании перед «распространением большевизма» в Европе, вынудила западные страны признать её новые границы, несмотря на то, что её территория в начале 20-х годов вследствие проведения откровенно силовой

¹⁷ Цит. по: R. Blanke, *Orphans of Versailles*, Lexington, 1993, p. 63 - 64.

¹⁸ Э. Хобсбаум, *Эпоха крайностей*, с. 126.

¹⁹ П. Джонсон, *Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы* [Modern Times: The World from the Twenties to the Nineties], ч. 1, Москва, 1995, с. 50.

²⁰ Д. Ллойд-Джордж, *Правда о мирных договорах* [Adevărul despre tratatele de pace], Москва, 1957, с. 267. Д. Ллойд-Джордж, *Правда о мирных договорах* [The Truth about the Peace Treaties], Москва, 1957, с. 267.

экспансии оказалась вдвое большей, чем предусматривалось решениями Парижской конференции. Тот же Ллойд-Джордж свидетельствовал: «Никто не причинял нам столько неприятностей, как поляки. Опьянённая молодым вином свободы, которым её снабдили союзники, Польша снова вообразила себя безраздельной хозяйкой Центральной Европы. Принцип самоопределения не соответствовал её домогательствам»²¹. Заканчивая в 1929 г. свою известную книгу „Мировой кризис”, Черчилль констатировал: «Центральная и Южная Европа разбились на части, воспалённые резким национализмом, отделённые одна от другой враждой и завистью, таможенными тарифами и местными вооружениями»²².

Во-вторых, в силу так сказать генетической несовместимости демократии и национализма, последний, в сущности, предопределил и ускорил формирование в центрально-восточноевропейском регионе авторитарных диктатур, что неизбежно сопровождалось свёртыванием демократии и демонтажем многопартийных парламентских систем, что в корне изменило не только характер политического развития стран-преемников, но и привело к окончательному свёртыванию модернизационных реформ, приостановило начатое после войны 1914 – 1918 гг. процесс «догоняющего развития». Опорой диктатур были армейские и монархические круги, а также церковь и государственная бюрократия, то есть консервативные силы традиционного общества. Однако, следует признать, что диктаторские режимы нашли и достаточно широкую общественную поддержку. С постепенной стабилизацией общественно-политической жизни, с одной стороны, и нарастанием социально-экономических проблем, обусловленных ускоренной модернизацией, которая вела к слому устоявшихся форм существования, с другой, в массах рождалось желание вернуться к привычному укладу жизни, увидеть во главе государства «сильного человека», способного навести «порядок» и обуздать реформаторский запал прозападно ориентированных политиков. Значительной части населения были более близкими и более понятными патриархальные моральные ценности и лозунги националистов с их пониманием народа как внеклассовой общности, чем привнесённые или заимствованные либерально-демократические идеи с такими понятиями, как гражданская ответственность, свобода индивидуального выбора и т.д. Именно такая, унаследованная от прошедших времен, общественно-политическая ориентация масс и стала важной причиной слабости демократических институтов и быстрого усиления авторитарных тенденций в общественной жизни стран Восточной Европы. При этом степень реального привлечения народа к политической жизни неуклонно сокращалась. Также примечательно, что к отходу от демократических методов управления оказалась полностью готовой и правящая элита этих стран, о чём свидетельствует хотя бы та легкость, с которой даже правительства,

²¹ Д. Ллойд-Джордж *указ. соч.*, с. 268.

²² У. Черчилль, *указ. соч.*, с. 284.

образованные буржуазно-либеральными партиями, переходили к жёстким, репрессивным методам реализации тех или иных политических задач.

После Первой мировой войны некоторые народы Центральной и Восточной Европы, получив собственную государственность, получили исторический шанс перейти на «рельсы» цивилизационного развития, характерного для ведущих стран Западной Европы и Северной Америки. Но попытка начать «догоняющий развитие» и осуществить соответственно ускоренную модернизацию имеющихся общественных отношений закончилась неудачей. Фактически большинство населения стран-преемников не восприняло или, скорее, не было к ней готово. Проведённая преимущественно благодаря давлению извне демократизация оказалась в значительной мере формальной и поверхностной. Под влиянием победы западных демократий в Первой мировой войне была сделана попытка перенести на местную почву характерные для них политические структуры и конституции (французского, британского, а в некоторых случаях – швейцарского образца). Однако, как остроумно заметил известный американский историк венгерского происхождения Джон Лукач: «...эти пиджаки импортного покроя не налезли на коренастые фигуры их временных владельцев. Швы скоро разошлись, одежда долго не носилась»²³.

Реализации сделанного цивилизационного выбора серьёзно помешал и национализм, которым «заболели» правящие элиты центрально-восточноевропейских стран, не понимая, что в XX в. это явление по своей, так сказать, «генетической» сути несовместимо с настоящей демократией. В итоге, эти, по определению Черчилля, «высоконационалистические государства»²⁴, как и раньше, оставались фактически «периферийными» странами Европы.

Однако, это не значит, что первая попытка цивилизационной модернизации ничего не дала его народам. Пусть и временное пребывание в условиях демократической системы ускорило формирование принципов современного гражданского общества (например, создание и активная деятельность разнообразных общественных организаций), а установленные консервативными силами авторитарные диктатуры не смогли полностью возобновить традиционное общество и решить назревшие проблемы. Более того, некоторые из них втянули свои страны во Вторую мировую войну на стороне стран фашистского блока, поставив, таким образом, свои государства на грань национальной катастрофы.

Понятно, что рано или поздно должно было произойти возвращение к «догоняющей модели развития», к проведению модернизации, а, следовательно, и к новой попытке цивилизационного выбора. Это время пришло после завершения Второй мировой войны, когда перед всеми странами этого региона опять возникла необходимость определить своё будущее и сделать новый исторический выбор своей судьбы.

²³ Д. Лукач, *Конец двадцатого века и конец эпохи модерна* [The End of the Twentieth Century and the End of the Modern Age], Санкт-Петербург, 2003, с. 135.

²⁴ У. Черчилль, *указ соч.*, с. 508.